

A man in a dark suit and a woman in a blue dress sitting in a wheelchair on a rooftop at sunset. The man is leaning against a wall, looking to the side. The woman is sitting in a wheelchair, looking at the camera. The background shows a city skyline at sunset.

Адалин Холод

Почему?

-

Нет

18+

ВОПРОС ГОРДЕЕВОЙ

Адалин Холод
Почему? - Нет

«Автор»

2026

Холод А.

Почему? - Нет / А. Холод — «Автор», 2026 — (ВОПРОС ГОРДЕЕВОЙ)

Почему? - Нет — История о том, как важно разрушать не только чужие стереотипы, но и учиться разграничивать реальные и мнимые барьеры, отпускать собственные страхи. Сможет ли Екатерина Гордеева вырваться из плена бесконечных вопросов: Почему вместе с физическими ограничениями отнимается право на любовь? Неужели вероятность взаимных чувств равна нулю? Зачем заново доверять, если проще сдаться? Где проходит грань между «Нет» и «Возможно»? Зачем ввязываться в лотерею, где главный приз заранее известен — разбитое сердце? Чтобы поверить в возможность счастья, Екатерине придётся сразиться не только с предрассудками и установками от окружающих, но и с собственными страхами. Но готовы ли двое сражаться? Пойдёт ли она на риск, зная наверняка: душевная боль гораздо сильнее физической? Найдут ли герои объяснение — «Почему? Нет» Прочти, чтобы узнать

© Холод А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЗНАЮ–НЕ–ВЕРЮ	5
СОННЫЙ ПАРАД	7
ВОРОНИЙ ВЗГЛЯД	12
ГОРДЯЧКА И ВОРОНЁНОК	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Адалин Холод Почему? - Нет

ЗНАЮ–НЕ–ВЕРЮ

Когда-то маленькая Катя мечтала поскорее вырасти, стать сильной и доброй взрослой, но теперь, с течением времени, подлинная женская сущность погребена под толщей масок и доспехов, выкованных жизнью и общественными установками.

Для близких она – то нежный котёнок, то колючий ёжик.

В глазах толпы – язвительная, воспитанная, ледяная фигура. Холодная, гордая, как самурай в колеснице.

Почему вместе с правом на жизнь человек получает и право на осуждение? Главный вопрос. Главный парадокс: люди готовы доверить свою судьбу картам и звёздам, но в вопросах чужой жизни – мгновенно превращаются в экспертов-линчевателей, непогрешимых в своей мнимой правоте. Насколько приемлемо прятать подобное под личиной «человеческой природы»?

Она понимает тех, кто говорит, что не стал бы заботиться о таком ребёнке или строить отношения с таким человеком. Неприятно, но честно, и это их выбор.

Родители много лет назад сделали свой, а Екатерина, в свою очередь, была лишена возможности выбирать.

Как можно осуждать, винить и тыкать человека в то, что от него не зависит?

Называть ребёнка ярмом на шее, крестом за грехи, обузой, чемоданом без ручки... Маме много раз советовали оставить девочку и «жить нормальной жизнью», словно появление особенного ребёнка ставит крест на всём. Укоренившееся убеждение гласит: дети – самые жестокие существа на планете.

Однако, больше всего осуждающих взглядов, обидных слов и пренебрежения исходило именно от взрослых. Что делать, когда лишь семейные стены защищают тебя от общественного вердикта: «Особенный ребёнок никому не нужен! Ни обществу, ни вам – никому»?!

В семье ДЦП, иной вид, Кати, никогда не ставился во главу угла. Ей также поручались домашние бытовые обязанности, а выход на улицу или поездка куда-то требовали лишь уточнения деталей, как при аллергии или диабете. То, что ее носили на сильных мужских руках или плечах, преподносилось как приятный бонус к статусу любимой девочки в семье. Но общественный зуд в словах и взглядах не давал забыть о реальности.

Возможно, путь интеграции в «обычную» жизнь на коляске: сад, школа, колледж, институт и далее по списку ошибочное решение.

Может, стоило выбрать больницы, целителей, колдунов и гипнологов, иглы и операции. Сужая мир до больничных стен и запаха лекарств, подтверждая полную «исключительность» в самом негативном ключе вместе с призрачным шансом на то, что все признают «нормальной жизнью». Но, *Выбор* сделан сначала родителями, потом Екатериной – без агитаций и унижений, никто никого ни к чему не принуждает и не обязывает.

Что скрывают в себе попытки наставления, облеченные в форму скрытой агрессии?

Практически любой диагноз – не имя, не личность и уж точно не приговор. Вешать ярлыки – абсурд и унижение. *Но почему это так популярно?*

Сейчас ситуация лучше, но обороты набирает другая крайность: «порабощение людей колясочниками».

С подобным мнением Катя столкнулась в университете. Преподаватель был возмущён политикой создания доступной среды, при каждом удобном случае ставя под сомнение концеп-

цию «инклюзивности», уверяя, что все забыли о «простых людях», иногда раздувая пламенность речи до масштабов вселенского заговора. Катю веселили эти тирады. Озорная ухмылка не сходила с её лица. Уж лучше быть «навязанной повелительницей», чем одинокой, жалкой принцессой в тёмной высокой башне, окутанной мраком диагноза.

Профессор настаивал на создании специальных жилых районов для людей с особенностями, чтобы «глаза не мозолили».

В чём-то Гордеева была с ним согласна и даже не против таких районов, но разделение – перебор. Она хочет быть частью общества, иначе это будет похоже на ссылку, тот же вакуум, пусть и более комфортный, сути это не меняет.

Девушка настаивает: она – не инопланетянка, не нечто неопознанное, а человек, личность и дальше по пирамиде.

Почему верить в какую-то фотографию, приносящую исцеление, гораздо проще, чем в то, что даже в коляске можно прожить единственную, наполненную, счастливую жизнь?

Как это работает?!

Путь Кати Гордеевой с самого рождения идёт вразрез с популярными установками.

Например, сейчас, когда все стремятся выйти из зоны комфорта, она, наоборот, находится в её поисках и мечтает, найдя, захлопнуть дверь с той стороны.

Любовь, вторая половина – ещё одна животрепещущая тема для неблизкого круга «жалостливых и знающих».

В этом вопросе также есть привычные крайности: от *«Да кому ты нужна такая, кто тебя из жалости возьмёт?»* до *«Тебе обязательно нужно найти того, кто будет о тебе заботиться, носить на руках, холить и лелеять»*. «Самый идеальный вариант для тебя – родиться в 18-19 веке в какой-нибудь знатной семье. Одеваться помогают, везде сопровождают, и никакого порицания за отсутствие бытовой самостоятельности» Прямая цитата подружки Светы.

Кстати говоря, в вопросе чувств и любви общественное давление оказывается более эффективным, чем в рассуждениях о пользе ее рождения.

Катя верит в любовь как в чувство, но убеждена, что подобного к ней никто не испытает.

Вопреки известной легенде, она не стремится искать половинку, хочет быть цельным человеком.

Можно хотя бы это себе позволить?

Девушка знает, что влюбиться в неё, конечно, можно и даже запросто, но вот Вечная любовь в ее случае невозможна.

И дело не только в диагнозе – к нему прилагается характер, необходимость помощи и заботы 24/7, а также моральное и общественное давление, следующие за ней по пятам, словно фамильяр или грозовое облако.

Никто не способен выдержать подобный коктейль, по ее мнению.

Немалую роль в этом убеждении сыграл бывший молодой человек, Виталий, разбив розовые очки первой любви осколками вовнутрь.

Гордеева больше не готова рисковать: душевная, моральная боль сильнее физической, оно того не стоит.

Да, жизнь наполнена ограничениями, условностями, препятствиями и риторическими вопросами вроде: «Какая от меня польза или чем я лучше собаки?». Но все это сопровождает любую жизнь, в меньшей степени, но любую!

Осталось понять, какие ограничения реальны, а какие навязаны и существуют лишь в её голове.

Все люди разные, но это чаще вызывает осуждение и шквал непрошенных мнений, чем понимание.

Пора опускаться в пучину вопросов без ответа, до будильника осталось полчаса.

СОННЫЙ ПАРАД

Кто сказал, что жизнь — не кино? Моя, чаще похожа на заевшую пластинку или кассету, где каждый день — стоп-кадр с неизменными декорациями. «Что снято, то снято», — так говорят?

Но что, если эти 5 минут сна, вырванные из памяти жизни, будто клещами, — это вечер почти 10-летней давности? Хотелось бы получать предупреждения об этом «сеансе» или иметь возможность внести изменения, переключить канал. Но, увы!

Там юной Екатерине снова 17. Майский день, расписанный золотом юношеской победы на танцевальном первенстве Москвы, к вечеру обернулся пеплом нежных чувств. Эти проклятые 5 минут, повторяясь, каждый раз обрастают новыми, болезненными деталями. Теперь я слышу шелест листвы под колёсами, ледяное дыхание ветра, треплющего волосы, карканье ворон — или это сороки? Вижу, как тени деревьев пляшут на асфальте. «Мой» парень ждёт в конце дорожки. Виталик нервно затягивается сигаретой, отбивает ногой рваный ритм. Его каштановые волосы ёжиком, кажутся чёрными, а тёмные глаза — безднами, прикованными к асфальту. Монолог о расставании. Он говорит тихо и монотонно, иногда срываясь на фальцет. За всё время так и не поднял глаз — взгляд так и оставался прикованным к трещине на асфальте.

— Ты мне даже не нравилась, это был прикол! Истерично выкрикивает он. Бычок летит в урну — и будильник разрывает сон.

Аллилуйя! Сегодня я до конца эту пытку не досмотрю, обожаю свою работу! Подумала Екатерина, выныривая из крепких объятий кинотеатра снов о прошлом.

«Мой дом — моя крепость». Думала девушка, направляясь на кухню после водных процедур, отпуская остатки сна.

Родители купили этот дом, когда Кате исполнилось два года. Переехали из квартиры, чтобы создать комфортную среду и островок свободы. Одноэтажное кирпичное строение без порогов и ступенек, под одной крышей с гаражом и беседкой.

Планировка — гениальна в своей простоте: просторная прихожая плавно перетекала в общее пространство кухни-гостиной, а из неё вели двери в три изолированные комнаты. Обустройством занимался отец. Большинство мебели, по возможности, было встроено для сохранения пространства. По задумке матери, в доме нет места громоздким люстрам — только мягкий, ровный светодиодный свет, создающий ощущение воздуха. Это «умный дом», со всевозможными техническими новинками и приспособлениями, всё создавалось для удобства дочери на инвалидной коляске: от отсутствия порогов до высоты выключателей. Кухня — сердце этого мира. Здесь стоит круглый стол — символ семейных ужинов, а огромное панорамное окно открывает вид на террасу и уютную беседку с широкой качелью и гамаком.

Гордеева сидела в коляске у окна на кухне, уже полностью готовая к выходу. Её образ: тёмно-синие джинсы прямого кроя и лёгкая блуза молочного цвета с закатанными до локтей рукавами. Поверх был наброшен тонкий укороченный кардиган — защита от утренней прохлады, которая скоро уступит место теплу. В руках она держит большую керамическую кружку с дымящимся кофе — её неизменный утренний ритуал, лучшее средство от тяжёлых мыслей, что кружат в голове, как рой бешеных пчёл.

«Ты влюблён? Сочувствую. Я? Нет, не чувствую. То, что закончится болью, незачем и начинать. Всё, что связано со мной, обречено на провал»! Крутилось в голове, пока она смотрит на вид за панорамным остеклением.

Если не можешь изменить ситуацию — измени своё отношение к ней. Не можешь победить — возглавь. Эти фразы могли бы стать её кредо.

Катя выстроила вокруг себя холодный, отстранённый образ: требовательная, собранная, с взглядом, обжигающим арктическим льдом. Но за этой неприступной крепостью скрывается пушистый котёнок. Милый ёжик по версии брата и двоюродной сестры.

— Так, на выход! Он же — вход. Дверь, свет, телефон, ключи. Бормотала она, собираясь, увидев подъезжающую машину.

Улица встретила порывом тёплого ветра, напоенного ароматами цветущей сирени и мокрого асфальта.

Ветер — отличный креативный парикмахер! Что может быть лучше? В городе весна, а внутри, кажется, наконец-то наступила оттепель. Сегодня 25 мая.

Высокая мужская фигура — её старший брат. Он стоял у своей машины, одетый полетнему легко: тёмно-серая футболка с коротким рукавом подчёркивала его жилистые руки, а на плечи была накинута джинсовка на случай прохлады. Простые светло-голубые джинсы дополняли образ. Его короткая стрижка тёмно-русых волос растрепалась от ветра, а в карих глазах плясали солнечные зайчики.

Они разъехались, когда он вернулся из армии. Саша переехал в квартиру родителей, а Катя осталась в доме. Она не хотела чувствовать себя, как говорили старушки у подъезда, «крестом», «ярмом» - прочим сковывающим грузом, по мнению тех, кого не спрашивали.

— Привет! Губы младшей сестры растянулись в полуулыбке. Он ждал у машины, с легкой улыбкой и солнечными зайчиками в карих глазах. Традиционные крепкие объятия — и мир снова обрел очертания и краски. В голове воцарилось молчание, словно тараканы дали обет тишины до следующего «сеанса воспоминаний».

— Привет, прошу. Он открыл дверь машины, помогая удобно устроиться. Закрыв багажник и вернулся в салон.

Машина тронулась, рассекая воздух. Екатерина с чувством умиротворения, поселившимся в сердце секунду назад, подставила лицо весеннему ветру в открытое окно. Брат всегда хорошо на неё влиял, как фонарь в темноте, рассеивая свет и прогоняя все эти липкие, неприятные ощущения, как монстров в шкафу или под кроватью.

Александр улыбнулся, сканируя сестру своим фирменным взглядом с прищуром.

Для счастья и спокойствия не нужно много поводов. Просто закрой глаза, дыши и чувствуй

«Мантра, Тантра», кажется, на фоне играет Мияги. «Ра-па-па-па-пам»...

Несмотря на тонкий намёк в виде полузакрытых век, до меня доносится бархатный, раскатистый баритон, сообщая повестку дня:

— По случаю приезда сына шефа Жени. А заодно и друга брата (к сожалению, Екатерины).

— Сегодня — укорочённый рабочий день. И приступ неконтролируемого восторга у окружающих. Добавил Саша со смешком в голосе.

Приезд, возвращение к истокам, легальный повод для сплетен и явная возможность устроить вечеринку.

В офисе царит оживление, а женская половина коллектива особенно старается, примерив на себя образы роковых красоток. Гордеева вздыхает про себя: *«Бедные, наивные души»*. Брат ловит этот взгляд и цокает, а девушка закатывает глаза. Александр покидает открытое пространство издательства, запираясь в царстве айтишников.

Екатерина Константиновна, погружается в работу, главным образом, в монитор компьютера. На помощь приходят двоюродная сестра Катюша с её парнем Димой. Он не разделяет всеобщего восторга по поводу приезда своего двоюродного брата — для него это скорее ещё один проект и дополнительный груз, воплощение всех стереотипов о мажорах.

Катерина, тоже Гордеева, как обычно пытается сгладить углы, убеждая, что Женя не так плох, как кажется, и что за маской цинизма скрывается ранимая душа. Но мы с Димой открыто не верим.

С детства Екатерина и Катерина Гордеевы, чаши весов, уравновешивающие друг друга: Катерина – воздух, Екатерина, земля. В их семье, Земля старше воздуха почти на два года. Внешне: две длинноволосые брюнетки с карими глазами, словно сошедшие с обложки какого-нибудь журнала о гармонии. Но если Катерина при улыбке выдает очаровательные ямочки на щеках, то Екатерина, скорее всего, просто сосредоточенно смотрит, сканируя мир вокруг. Одна – фонтан радости и хохота, другая – скорее, тихий наблюдатель, «серый кардинал» ценящий контролируемое собой одиночество. Ссориться? Зачем? Девушки живут в разных ритмах, где их вкусы к вещам и людям расходятся. Единственное, что объединяет молодое трио, кроме фамилии, это книжные запои и игры, где они, моментально, находили общий язык, пока реальность не начинала подкидывать вводные.

Слово лучше молчания, так их учили. Тётя (мама Катерины) кстати, остаётся семейным миротворцем, не разделяя их даже тогда, когда все жили под одной крышей. Екатерина - Катя, Ёжик-котёнок. Катерина же – это целый спектр ласковых прозвищ, которые она с удовольствием принимает.

Дмитрий Никулин, этот четвертый постоянный элемент компании, 4 года назад смотрел на трио Гордеевых, в частности на присоединившуюся Екатерину, будто она была чем-то инородным в его идеально просчитанной схеме мироздания. По его первой версии, подобные люди, не более чем символ дядиной заботы, прикрытый благотворительностью, какой-то хитрый ход для оптимизации капиталов и вложений в бизнес.

«Символ, оказался полезным. Через пару недель, демонстрируя чудеса работоспособности. Работая над проектом, Гордеевы с Димой, к его, удивлению, нашли общий язык. А Катерина, душа компании, с присущей ей легкостью, как поминованию волшебной палочки, сглаживала и обходит до сих пор все острые углы. Результат? Искренние чувства между ней и Димой, и крепкая, хоть и слегка разношерстная, команда из четырех человек.

«Интересно, есть ли ещё какая-нибудь знаменитая четверка, кроме Д'Артаньяна и мушкетёров?»

Между Екатериной и коллективом издательства существовал хрупкий мир. Её личный транспорт, инвалидная коляска, выступает, как барьер, отгораживая брюнетку от прямых нападок, но оставляла поле для перешептываний и взглядов, балансирующих между брезгливостью, недоумением и жалостью. Но время способно многое превратить в привычку.

Офис издательства «Крыло ворона» больше напоминает лабиринт Минотавра, чем рабочее пространство. Коридоры, заставленные стеллажами с книгами всех мастей – от пыльных философских трактатов до глянцевого модных бестселлеров – перетекали в просторные кабинеты, где царил творческий хаос. На стенах – обложки самых успешных изданий, на подоконниках – неприхотливые кактусы, словно стражи порядка в книжном царстве. Запах бумаги, гул голосов и звуков создают неповторимую атмосферу.

Глава издательства, Алексей Сергеевич, человек старой закалки. Строгий, требовательный, но справедливый, он обладает безошибочным чутьем на талант и умеет разглядеть потенциал в начинающем авторе. Ещё очень ценит благотворительность и меценатство, поэтому Гордеева и работает здесь, а танцевальный клуб «Феникс» получает спонсорскую помощь.

Его кабинет, обставленный антикварной мебелью, больше напоминал рабочий кабинет учёного, чем офис бизнесмена.

Не имея желания сталкиваться с «новым дыханием» книжного бизнеса, Екатерина тихо сбегает, уезжает, дабы не испортить «праздник»

У выхода из офиса, у машины, ждал Влад Льдов.

— Моя миледи, секунда — и я у ваших ног. Произнес он с улыбкой. Его голубые глаза, такие дорогие для Гордеевой во всех смыслах, казались ей окутанными легкой морозной дымкой. Широкоплечий брюнет, для большинства окружающих и на страницах изданий он акула бизнеса и сердце. Но для неё...

— Книксен — не мой стиль, но мерси, Ответила она. Не скрывая радости от бегства с добровольно-принудительного объединения. ускользая.

— Ты Золушка, и мне пора готовиться к дуэли? Я тебя похищаю? Спросил Влад, устранивая коляску в банажнике.

— Не люблю ни шумных компаний, ни прощаний. Без меня всем будет легче, веселее и ярче. Ответила Гордеева, рисуя рукой в воздухе.

— Ты драматизируешь. Коротко обернулся Влад.

— Это - похищение. Я краду тебя из плена твоего готического внутреннего мира. Он тебя поглощает. Подмигнул мужчина, закрывая дверь со стороны водителя.

— Поехали уже, рыцарь, лучше расскажи про наш проект. Предложила девушка, ловко переводя тему. Уют салона, окно в мир, и мысли замерли.

— Съезжаешь с темы, технично. Поумнел. Влад с теплом посмотрел на пассажирку в зеркало заднего вида.

Выдохнув, Катя мысленно вернулась назад. На самом деле жизнь разделилась на «до» и «после» не из-за монолога Виталика. Он не был тёмным властелином нежных девичьих душ. Причина раскола и появления «игл» авария, в которой погибли родители Саши и Кати. В тот самый майский вечер они должны были забрать обоих после торжественной части. Странно, что во сне, на повторе крутится Виталик, а не тетя с её сообщением голосом, сухим, словно треснувшая земля. Последний профессиональный танец был исполнен Екатериной в одиночном виде, в августе. К спорту в любительском формате она вернулась лишь спустя четыре года, когда в жизни появился Влад. Саша иногда, как в старые добрые, помогает в постановках.

Взгляд Гордеевой становится от воспоминаний таким же тёплым, как поздний майский вечер настоящего.

Выезжая с парковки, наши герои уступили дорогу его машине — «Великому гостю». Это был «Форест Гамп без тапок», человек, перевернувший пару страниц жизни Гордеевых.

В салоне *Volkswagen Caddy* Маруся бесстрастно констатировала: «Вы приехали» Хотя до цели оставалось еще 100 метров пешком, лифт и коридор — целая маленькая экспедиция.

«Надежда» и «свежая кровь» российского предпринимательства, как гремели заголовки газет и пабликов, возвращается к истокам. Внутри молодого человека бушевал хаос эмоций, но кому есть дело до запутанного клубка? Кто захочет его распутать, выделить главное? Даже Жене это ни к чему. Младший Никулин вернулся, но обрадуется ли его появлению кто-нибудь, кроме Александра Гордеева?

От мыслей молодого человека отвлёк знакомый женский силуэт. Словно в замедленной съемке, как в тех мелодрамах на «России 1», что он смотрел в детстве с бабушкой почти каждый вечер, в проезжающем автомобиле промелькнула девушка-колючка. Гордячка не только по фамилии покидала офис, не скрывая очевидного безразличия по случаю его возвращения.

Женя выглядел сегодня как оживший рекламный образ: стиль с легкой, намеренной небрежностью. Тёмные короткие волосы, едва тронутые ветром конца мая, придавали облику долю беззаботности. Разгильдяйство, как говорит отец. На нём джинсы приглушенного синего цвета и белая рубашка с закатанными рукавами, небрежно вправленная наполовину. Поверх — тёмно-серый пиджак, брошенный на плечи, чуть примятый, но очевидно дорогой, создававший необходимый баланс между элегантностью и непринужденностью. На запястье поблёскивали золотые часы, а на ногах — кроссовки.

Серые глаза смотрели вперёд холодно и отстраненно, отражая внутреннюю бурю, надежно скрытую за фасадом безразличия. Лицо оставалось невозмутимым — Женя с детства

научился прятать настоящие эмоции за маской нарочитого равнодушия. Выбравшись из автомобиля, он повел плечами, сбрасывая наваждение.

Её задумчивое лицо, рассеянный взгляд карих глаз цвета песка, темно-русые, выгоревшие на солнце пряди, сжатые пухлые губы... Нет, последнее было лишним. Зачем думать о той, кто не рада твоему приезду?

Евгений подошел к вращающейся двери бизнес-центра. Сын главы крупного издательства города замер у входа, сердце сжалось, как перед решающим прыжком в пропасть. Для всех он – мажор, плейбой, тупой, безответственный раздолбай, прожигатель жизней и мизантроп.

Что ж, пора соответствовать.

ВОРОНИЙ ВЗГЛЯД

Мир, ожидающий за стеклянной дверью, всегда казался ему чужим, но начиная с сегодняшнего дня всё должно было измениться. Он шагнул внутрь, и коридоры издательства поглотили мужскую фигуру.

Отец встретил его холодным формальным рукопожатием.

— Завтра обсудим фронт твоих работ. Развлекайтесь.

Снисходительно похлопав сына по плечу, дождавшись кивка в ответ Алексей Сергеевич направился к выходу.

Женя слишком хорошо знал этот взгляд - холодный, оценивающий. Он не меняется с годами, даже когда Никулин старший был доволен. В глазах всегда остаётся лёд, и сейчас, как и в детстве, он обжигал.

Досада, злость и гнев сплелись в удушающую пелену, требуя выхода. Остров бара, импровизированная стойка посреди оглушающей какофонии «Ворона», казался единственным спасением.

Хотите увидеть одиночество в толпе? Вот оно. Автоматические улыбки, заученные комплименты – всё на автопилоте, удобная, выстраданная привычка. Но за всё приходится платить, всё продаётся и покупается. У него есть деньги, но этот факт, в глобальном смысле, ничуть не облегчает существование.

Со временем всё становится сложнее, хотя он и не стремится усложнять. Осознание власти денег упростило многое, но внутри поселилась какая-то гнусная, всепоглощающая пустота.

Со слов матери, Алексей Сергеевич щедро одарил за рождение своего «золотого мальчика»: Mercedes-Benz S-класса, апартаменты в Лос-Анджелесе и ежемесячные выплаты в 10 тысяч евро. С 7 лет Женя тщетно ищет то, что же не купишь за деньги.

Семья Гордеевых и двоюродный брат – его единственная надежда. У импровизированного бара, утопая в море воздушных шаров, его ждут двое молодых людей – Никулин-Гордеев, по одному от каждой семьи, предвкушая появление виновника торжества. Жизнь не повод для грусти и погружения в прошлое.

Дмитрий Никулин — сероглазый шатен с внимательным и спокойным взглядом. В отличие от легкомысленного Жени он производил впечатление человека надёжного. Его образ всегда был опрятен и собран: идеально выглаженный костюм без галстука и дорогие часы на запястье. Женя, молча криво усмехнулся, забрал двойной скотч. Лёд зазвенел в стакане, вторя гулу внутри него.

Звук льдинок стал громче, сливаясь с гулом музыки и голосов, а затем — с шумом прибоя в Сочи. Картинка сменилась.

10 лет назад. Сочинский благотворительный фестиваль

в конце августа, Алексей Сергеевич председательствовал в жюри творческой программы. Тот вечер пах морем, дорогим парфюмом и фальшивым воодушевлением. Жене, там исполнилось 18 лет, пацан с избытком денег и нехваткой смысла, скучал у фуршетного стола.

Он увидел её у сцены. Екатерина Гордеева. Неприступная, дьявольски красива — профи танца на инвалидной коляске. Тёмные густые волосы, уложенные волнами, падали на открытые плечи. Карие глаза, немного пухлые губы правильной формы. Но главное — это было платье. Не просто наряд, а продолжение её тела: летящее, лёгкое, созданное для движения, но при этом не сковывающее. Оно идеально подходило для танца на коляске.

«Кто это?» Подумал он тогда с ленивым интересом, отметив про себя и то, как она держалась особняком, переговариваясь лишь с одним высоким парнем, смутно похожим на неё.

А потом она начала танцевать. Быстрота, точность движений... Это было не жалкое «преодоление», это был вызов. Гравитации, жалости, всему этому чёртовому сборищу. Её глаза метали ножи в каждой точке пространства.

Женя подошёл к ним сразу после выступления, толпа уже аплодировала другим выступающим. Саша стоял рядом, скрестив руки на груди. Взгляд у него был такой, что Женя подумал: этот парень охрана.

— Впечатляет. Начал Никулин младший, пытаюсь звучать небрежно.

— Ты не танцуешь, ты... Паришь. Он фирменно усмехнулся.

Катя медленно подняла на него взгляд. В них не было ни капли восторга.

— Спасибо. Голос ровный, но в нём звенел металл.

Саша хмыкнул. Женя почувствовал себя идиотом.

— Я просто хотел сказать...

— Что-то ещё? Перебила она, закатив глаза.

Женя вспыхнул:

— А ты всегда такая... колючая? Выпалил он.

— Ты её слышал. Отвали. Саша шагнул вперёд.

— А ты охранник? Или нянька? Женя тоже шагнул навстречу, сжимая кулаки.

— Рождённый ползать летать не может, да? Так пусть сидит и не чирикает? Хруст ломающегося декора

Лёд снова звенит о стекло.

Так началась их история: с драки и нелепого комплимента. А потом — с извинений. Дуэт брата и сестры открыл для Никулина «другой мир», преподнося вариацию смысла. С Сашей они нашли общий язык быстро, отец впервые оценил выбор Евгения. А вот с Катей всё пошло иначе. Точнее, оно просто встало. В режиме ожидания его очередного провала. Его ухаживания были похожи на плохо срежиссированный спектакль, где Женя пытался играть роль благородного рыцаря, а Катя зритель, которому это не нужно. Всё происходило на расстоянии телефонного звонка.

Попытка первая.. Голос Жени, полный надежды:

— Я заказал столик в «Палаццо». На первом этаже.

Ответ Кати, мгновенно убил энтузиазм на том конце провода:

— Как предусмотрительно. А ты уверен, что там есть пандус? Не хотелось бы, чтобы твой благородный порыв разбился о ступеньки на входе.

Попытка вторая. Звонок через неделю:

— Сходим в галерею? Там нет ни одной ступеньки. Только пандусы и искусство.

— Предвижу, как на нас будет смотреть. Не с восхищением, а с жалостью. В основном — к тебе. Не думаю, что ты готов к подобному удару. Не хочу так рисковать.

Попытка третья и последняя. У моря недалеко от отеля.

Вечерний бриз треплет волосы. Женя ждёт её у дорожки к морю.

— Я впервые просто хочу сделать что-то приятное! Что в этом плохого?! И, кажется, впервые получает отказ без объяснения причин.

В её взгляде нет ни капли сарказма — только ледяная усталость. Она смотрит на него так, будто видит насквозь, и от этого ему становится не по себе.

— Всё плохо, Женя. Ты пытаешься «сделать» что-то для меня. А мне не нужно, чтобы для меня что-то делали. Обязанная обуза — это нелепо. Девушка брезгливо сморщила нос.

Он открыл рот, чтобы возразить, но она подняла руку, останавливая его.

— Давай договоримся. Я тебе не подхожу. Я не та красивая картинка, которую можно вывести в свет и получить одобрение. Я не впишусь в вашу жизнь. Не хочу нарушать твою... свободу.

Она провела рукой по своему силуэту, очерчивая коляску.

— Ты обязательно встретишь обычную, свободную в передвижениях, красивую девушку.

С тех пор любое их краткое общение в моменты его набегов на родину, похоже на саркастичный словесный пинг-понг. Дружба с Сашей у Жени сохранилась, но Катя... Екатерина остаётся для него загадкой, которую нельзя решить с помощью денег или силы. Цену этой «колючки» он пока не разгадал.

Гордеева его избегает, оставляя свободу общения Саше, а младший Никулин выходками пытается привлечь внимание не только отца, но и гордого ёжика.

Крепкие напитки – лишь временное утешение. Евгению нужен был пьянящий воздух ночного клуба, порочная и понятная связь с той, кто, как и многие, легко покупается и забывается.

Схватив пиджак, парень направился к выходу.

– Оставь, пусть идёт. Дима остановил Сашу.

– Тогда по домам. Завтра будет сложный день. Саша кивнул и направился к выходу.

Женя ворвался в клуб, как в шторм, оглушённый звуками и ослепленный стробоскопами. Толпа, похожая на бурлящий котёл, поглотила его, растворила в своём хаосе движении. Запах пота, алкоголя и дешёвого парфюма обволакивал, словно грязная пелена, притупляя чувства.

— Смотри, кажется, мы пришли не зря. В пьяных глазах Карины блеснула алчность.

— Не «Форбс», конечно, но тоже ничего. Подруга одобрительно хмыкнула.

Карина двигалась к цели. Рыжие волосы, зелёные глаза – в ней читался хищный интерес, который Никулин хорошо считывал. Она не шла, а словно плыла сквозь толпу, покачивая бёдрами, и тёмное платье лишь усиливало это ощущение пьянящей власти инстинктов. Он знал этот тип: для них чувства – лишь помеха, важна лишь цена сделки, известная заранее.

Последнее, что успело промелькнуть в его сознании, было:

«А Катя считает меня циничным идиотом».

А дальше, бестия утянула его в паутину, без тени сопротивления. Поцелуй в шею, и... А дальше – пропасть. Пропать, заполненная дорогим вином, шелковым постельным бельём. Его поцелуи стали более требовательными, более отчаянными. Карина, отвечала на каждый из них с готовностью, её тело плавилось под его прикосновениями. Никаких слов, только язык тел, древний и первобытный.

Мужчина точно знал, что это не любовь, а сделка, выгодная обоим. Он получал красоту и молодость, она – роскошь и свободу. Ее цена ему знакома.

Но «Ёжик»?...

ГОРДЯЧКА И ВОРОНЁНОК

Рабочие будни тянулись бесконечной чередой, сливаясь в однообразное, бесцветное полотно. Екатерину, как главу отдела по работе с партнёрами и авторами, Алексей Сергеевич назначил присматривать за молодым бизнесменом, словно за капризным ребёнком, контролируя каждое его появление на публике.

На этот раз они проводили вместе больше времени, и парень заметил интересный факт: несмотря на их постоянные пререкания, девушка могла спокойно и мило общаться с его братом или кем-то ещё, при этом сохраняя ледяное спокойствие и дежурную улыбку на лице.

Их диалоги напоминали обоюдоострый пинг-понг. Катя подавала — остро, хлёстко, на грани фола. Женя отбивал.

Они направлялись на совещание по поводу крупного форума новаторских идей в издательском деле. Катя, в своей коляске, двигалась вперед, а Женя, пытаясь подстроиться под ее темп, шагал рядом.

— Ты специально так быстро едешь, чтобы я отстал? С улыбкой спросил Женя, ускоряя шаг.

— Боишься, что я ляпну какую-нибудь глупость? Катя даже не повернула головы.

— Я боюсь, что ты ляпнешь дорогую глупость, и нам с Димой потом придется разгребать репутационные последствия.

Женя примирительно вскинул руки.

— Эй, форум — про новые идеи. А я — сама новизна!

Катя, наконец посмотрела на него. В ее взгляде читался счетчик терпения.

— Твоя «новизна», Женя, обычно заканчивается штрафом и статьей в желтой прессе о том, как «золотой мальчик» снова чудит.

Никулин младший смотрит ей вслед. На лице нет злости. Только лёгкая растерянность и что-то ещё... похожее на восхищение её непробиваемостью. Финал их перепалок неизменно предсказуем. В глазах Жени Катя оставалась занудной моралисткой, но при этом невероятно притягательной в своей колючести. В глазах Екатерины он был всё тем же избалованным подростком.

Катина инвалидность вызывала у партнёров и авторов самые разные реакции — от неловкого сочувствия до брезгливого отторжения. Иногда это приводило Евгения Алексеевича в ярость, но выплеснуть раздражение мешала Екатерина Константиновна. Её спокойствие и уверенность обезоруживали даже самых предвзятых скептиков. Люди, изначально сомневавшиеся в её компетентности, быстро меняли мнение, увидев глубокие знания и блестящие аналитические способности. Партнёры, испытывавшие неловкость при первой встрече, вскоре забывали об транспортном средстве, восхищаясь деловой хваткой и умением находить нестандартные решения.

Именно в их контрасте — бушующая энергия Евгения и невозмутимое спокойствие Екатерины — заключалась сила. Но смогут ли они разгадать секрет успеха, который пока заметил лишь Алексей Сергеевич?

Сегодня Катя и Женя приехали на крупный форум новаторских идей в издательском деле. Зал был наполнен людьми, все громко общались, обменивались визитками и обсуждали последние тенденции в издательском бизнесе — а главное, свежие сплетни.

Женя сравнил их с дачниками в нелепых галстуках вместо спортивных штанов и деловым дипломатом вместо рассады в руках. Катя лишь отмахнулась и, шипя, готовила презентацию, сверяясь с текстом доклада. Женя отошёл в укромное место, с интересом наблюдая за собравшимися.

Вдруг за спиной послышался шёпот:

— Говорят, у них в издательстве работает девушка с открытой инвалидностью. Неужели ей действительно доверили выступать с докладом?

— Каков сынок, такая и нянька. Прозвучал ехидный комментарий. — Из всех орудий давят на социальную жалость.

— Да, странно. Как с таким диагнозом можно разбираться в таких сложных вещах?

«Воронёнок» почувствовал, как внутри закипает раздражение. Он хотел обернуться и возразить, но сдержался.

Посмотрел на Катю — она казалась спокойной, словно снежная королева. Лёгкие брюки и рубашка с подкатанными рукавами, длинные густые волосы свободно лежали на плечах, придавая образу мягкость и завершённость. Маленький клатч висел на тонком ремешке, аккуратно примостившись сбоку на ручке коляски. От девушки исходил едва уловимый шлейф цитрусовых духов. Когда пришло время выступления, Катя уверенно выехала на сцену. Её голос звучал твёрдо и спокойно, с лёгкой привычной саркастичной улыбкой.

— Добрый день, уважаемые коллеги! Сегодня я хочу поделиться с вами некоторыми идеями и стратегией нашего литературно-инклюзивного, я бы даже сказала эксклюзивного проекта, которые помогут изменить представление о современном продвижении интереса к литературе.

По мере того как она говорила, атмосфера в зале менялась. Сначала некоторые слушатели сохраняли скептический вид, но постепенно их лица смягчались. Бизнесмены начинали кивать, улыбаться и делать заметки. Вовлеченность и уверенность Кати рассеивали сомнения. Женя внимательно наблюдал за реакцией. Его серые глаза внимательно следили за пространством. Он видел, как люди, которые всего несколько минут назад сомневались в способностях представителей из «Крыла ворона», теперь слушали с неподдельным интересом. Насколько сильны стереотипы? В то же время он гордился Катей — она не просто преодолевала стереотипы, она их разрушала, демонстрируя профессионализм.

После выступления несколько человек подошли к девушке, среди прочих были и Волковы. Женя немного напрягся и подошёл к ней. Конкуренты тут же ретировались, оставив после себя лишь едкий комплимент.

— Ты была великолепна. Я видел, как менялась реакция людей. Сказал Женя, проводив Волковых взглядом.

Катя улыбнулась и ответила:

— Учись, пока я рядом, у тебя тоже получится, может быть.

Женя, был полон решимости ответить, его перебил мобильный.

— Да, мгм. Немногословная Екатерина вернула телефон в клатч. Подняла взгляд на Никулина, что так и замер в воинственной позе.

— Отомри, машина приехала, полетели отсюда. Не оставляя шанса ей помочь, Гордеева уверенно направила коляску к выходу, оставляя за собой шлейф цитрусовых духов.

К концу рабочего дня, после форума, будущий глава издательства, несмотря на внезапное появление Карины, прожигал взглядом удаляющуюся пару, особенно мужскую спину. Влад заехал за Катей, чтобы отвезти её на тренировку и обсудить с Ингой предстоящий инклюзивный бал. Владислав выглядел безупречно: дорогой костюм с лёгкой небрежностью, расстёгнутые верхние пуговицы рубашки и яркие, холодные голубые глаза, притягивающие всеобщее внимание.

Карина несмело коснулась плеча Никулина. Рыжая и зеленоглазая, с копной тщательно уложенных локонов, она выглядела как ожившая картинка из глянцевого журнала. Сегодняшний вечер был для неё не случайной встречей, а финальным аккордом завоевания. Ей нужны были деньги на новую сумочку или, может, на спа-день, и она была полна уверенности, что «золотой мальчик» не откажет.

— Всё в порядке, Жень? Высокий, почти детский голос прозвучал как далёкий колокольчик в бушующем море его эмоций.

— Да, конечно. Прости, сколько тебе нужно? Пробурчал он.

— Просто... просто устал. Ложь звучала нелепо даже для его собственных ушей.

«Влад Льдов! Самодовольный выскочка, возомнивший себя меценатом и просветителем, нагло вторгся на его территорию. Что за чувства в нём просыпались рядом с Гордеевыми? Может быть, пора улетать?» Так Женя думал о друге Екатерины последние года три.

Карина ничего не заметила. Радостно взвизгнув, она выхватила деньги, покружилась и чмокнула парня в щёку, упорхнув и оставив на коже приторно-сладкий след. Евгений поморщился, стирая поцелуй тыльной стороной ладони. Этот едкий аромат клубники, как и сама Карина, всё больше раздражал. Пора закругляться. Погас свет.

Катя с облегчением оставляла позади гудящий улей издательства. Салон автомобиля, словно уютный кокон, укрыл брюнетку в своей безопасности, окутывая едва уловимым шлейфом дорогого парфюма хозяина. Вечерние улицы, искрящиеся огнями, словно река в полноводье, несли её к танцевальному залу. Она отвернулась к распахнутому окну, и волна ностальгии захватила пульт её эмоций, включив сектор воспоминаний.

4 года дружбы с Владом Льдовым. Для многих это была загадка — пища для сплетен и сенсационных заголовков. Она снова посмотрела в окно, и ностальгия накрыла её с головой. Магнитола тихо призывала: *«Touch The Sky»* в исполнении *Miyagi и Эндишпиль*.

А началось всё нелепо, даже грубо — на молодёжном форуме. После нескольких напряжённых встреч и острых интервью вечером, в тихом дворике бизнес-центра, они столкнулись в яростном споре: имеют ли люди с инвалидностью право на улыбку, на позитив, на полноценную жизнь? Спор перерос в диалог, диалог — в дискуссию, а дискуссия — в нечто большее.

— Неплохо держались. Бросил Влад, окинув её оценивающим взглядом.

— Для благотворительного проекта ваш потенциал раскрыт процентов на десять.

Катя резко затормозила. Её взгляд стал острым, как бритва.

— Проект? Вы говорите о людях, а не о маркетинговой стратегии.

— Я говорю о реальном влиянии. Парировал он, не моргнув.

— Ваши танцы — это прекрасно, но это всего лишь капля в море. Чтобы что-то изменить, нужно встраиваться в систему, показывать обществу свою пользу. Инвалид — это не только тот, кому нужно помогать, но и тот, кто может быть полезен.

— Полезен? — Мы для вас — картина на стене? Инструмент для улучшения имиджа корпораций? «Смотрите, какие мы добрые, мы наняли колясочника»? Голос девушки сквозил ядом с примесью разъедающего сарказма.

— Я говорю о выживании! Влад шагнул ближе, понизив голос.

— О том, чтобы выбить для таких, как вы, место под солнцем. Общество не любит страдалцев. Оно принимает только победителей. Он смотрел и кажется, что-то видел.

Катя смотрела на него с жалостью, словно на неразумного ребёнка. — Выживание? Как трогательно. Вы правда думаете, что мне есть дело до того, как выглядит компания на фоне моей жизни?

Влад опешил. Он ожидал слёз или гнева, но не этого ледяного, бьющего наотмашь сарказма.

— А что ты предлагаешь? Сидеть и ждать, пока мир сам догадается?

— Предлагаю для начала раскрыть уши и послушать. Может, узнаешь что-то новое о мире, который находится за пределами графиков и цифр.

Воспоминание обрывается.

Для одних она — паразит, живущий за счёт его безупречной репутации, для других — прикрытие, источник благотворительности.

— Знаешь? Влад следил за дорогой, голос стал мягче.

— С тобой я могу снять этот чёртов костюм. Не нужно быть акулой бизнеса 24/7. Можно просто устать, расслабиться и быть собой. Когда ты рядом, и дышится легче. Он бросил на неё короткий взгляд. В его голубых глазах таял лёд.

— Ты единственная, кто не смотрит мне в рот, глупо хлопая глазами. Ты слушаешь. И бьёшь словом точно в цель, если я несу чушь.

— Ты тот, кто понимает разницу между «мне нужна помощь» и «я беспомощен». Парировала Екатерина, искренне улыбаясь.

Вместе они постигли истину: помогать и заботиться — не бремя, а источник вдохновения.

Влад рассмеялся, вспоминая.

— «Ещё раз забудешь шапку зимой — головы не останется!» Да уж, забота у тебя специфическая.

— Зато действенная! Шутливо ответила Катя.

— И не строй из себя жертву. Тебе нравится, что я помню про твои контракты.

Влад рядом с Катей сбрасывает костюм безжалостного дельца, отбрасывая стальной панцирь. Для Льдова, Гордеева стала своеобразным щелчком по носу, примером того, что девушка — не пластмассовая кукла с конвейера.

Они — друзья, которым для взрыва настоящей любви не хватает лишь искры — то ли биологической, то ли божественной.

Машина плавно остановилась у входа в танцевальный зал. Катя глубоко вздохнула, отгоняя навязчивые мысли.

Двое разделились: Катя в зал к ребятам, Влад к Инге, в строгий просторный кабинет, пропахший кофе.

Поздним вечером, ближе к 11, Катю заберёт брат.

В зале кипела жизнь: генеральная репетиция перед прогоном танцев на колясках для бала. Сегодня паркет должны оживить страстное танго с дерзкими современными элементами, исполненное втроём, и нежный вальс.

Снежана и Слава, заносчивые и самоуверенные, несли свою инвалидность как знамя, бросая вызов миру. Рядом с ними — Артём, новичок, сломленный внезапной травмой всего пару месяцев назад.

Катя, оставившая профессиональные танцы после событий юности, вернулась лишь спустя время, обретя поддержку Влада и брата Саши. С подачи Инги возглавила коллектив.

— Итак, начнем с танго. Предложила Катя.

— Есть идеи, как сделать его незабываемым?

Снежана, с лукавой искоркой в глазах, предложила:

— Может, добавим немного провокации? Слава, помнишь то па, где ты едва не выронил меня на прошлой репетиции? Вот его и используем, но доведем до совершенства! Зрители должны замереть от ужаса и восхищения одновременно.

Слава, ухмыльнувшись, кивнул:

— Риск — наше второе имя. Главное, чтобы Екатерина не поседела от наших экспромтов.

Катя улыбнулась, оценив их энтузиазм.

Артём, смущенно, добавил:

— Я... я думал, может быть, можно добавить элементы из хип-хопа? Что-то вроде контраста между классикой и современностью.

Идея новичка вызвала оживленную дискуссию.

— Решено! Танго с «провокацией» и модерном, смешанным с хип-хопом. А вальс... вальс оставим нежным и трогательным.

Катя взглянула на Артема. В его глазах понемногу исчезала затравленность, возвращался свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.